

М. А. ЛАППО

*(Новосибирский государственный педагогический университет,
г. Новосибирск, Россия)*

УДК 81'42:81'23:81:34
ББК Ш105.51+Ш100.6+Х0

ПОРОЧАЮЩАЯ ИНФОРМАЦИЯ И ТАКТИКИ УХОДА ОТ ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ²⁰

Аннотация: В статье представлены результаты лингвистического анализа и психолингвистического эксперимента, связанного с пониманием порочащей информации. В качестве материала исследования был привлечен фрагмент текста, попавшего в сферу конфликтного взаимодействия. Лингвистический анализ данного фрагмента показал, что в нем отсутствуют высказывания в форме утверждения, содержащие негативную информацию. В то же время текст насыщен высказываниями, в которых отрицательная информация помещена в модальную рамку сомнения и полагания. Установлено, что если текст насыщен негативной информацией, то в целом маркеры мнения или предположения игнорируются читателем. Иначе говоря, модальная рамка сомнения и неуверенности не является препятствием для идентификации отрицательной информации как порочащей и достоверной в высокой степени. Рассмотрены некоторые тактики ухода от правовой ответственности: отглагольная номинализация, «разорванная предикация» (М.А. Осадчий), тактика манифестации субъективности и тактика ссылки на непроверяемый источник, провокационный заголовок. Доказывается, что реальное понимание текста читателем, которое наносит репутационный вред, резко отличается от результатов традиционного поэлементного лингвистического анализа, а сложившаяся практика лингвистического экспертирования, когда акцентируется внимание только на модальной рамке высказывания, формирует ложное представление о механизмах вербального воздействия.

Ключевые слова: конфликтогенный текст, негативная информация, репутационный вред, порочащая информация, правовой риск, психолингвистический эксперимент, юридическая лингвистика.

В законодательных документах современного российского права, связанных с ответственностью за вербальное поведение, в

²⁰Исследование поддержано РГНФ. Проект № 15-14-54001 "Конфликтный текст в зеркале лингвистического экспертирования: оскорбление, унижение чести и достоинства, порочащая информация в публичной коммуникации региона".

большинстве случаев используются не собственно лингвистические понятия, а неконкретизированные, с точки зрения лингвистической терминологии, *сведения* или *деяния*²¹. В нормативных текстах, которые носят комментирующий характер, чаще всего употребляются категории, соотносимые с синтаксическим уровнем языковой системы. Например, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» говорится: «Не соответствующими действительности сведениями являются *утверждения* о фактах или событиях, которые не имели места в реальности во время, к которому относятся оспариваемые сведения»; «при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует различать имеющие место *утверждения* о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные *суждения*, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации».

При производстве лингвистической экспертизы специалисты прежде всего применяют методы исследования слова и предложения/высказывания. Так, в ходе анализе оскорбления доказательной базой неприличной формы является стилистический статус лексемы в целом или его отдельного значения. При этом одни исследователи к неприличной форме относят только нецензурную лексику [Стернин и др. 2013], другие – матизмы и вульгаризмы [Беликов 2005], третьи – матизмы, вульгарную лексику и табуированные образы [Осадчий 2013]. Очевидно, что важным критерием квалификации неприличной формы оказывается лексикографическая помета в толковом словаре и сам факт наличия слова в толковом словаре литературного/ нелитературного языка.

²¹Ср. со статьей 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», где лингвист может опереться на категорию речевого жанра.

Отчасти данное положение дел можно объяснить традицией лингвистического анализа: в лингвистических исследованиях всегда «слишком большое место отводилось и отводится бытию отдельного слова в тексте. При этом, дискретизируя континуальное пространство на конечный ряд единиц (словоформ), исследователь исключает из проблемного поля пространственно-временной аспект бытия текста, а также его системообразующие связи, которые существуют в рамках целого» [Белоусов, Блазнова 2005: 86]. Примечательно, что даже психолингвистика, как отмечал А.А. Леонтьев, «сложившаяся на базе лингвистики и широко использующая ее систему основных понятий и подход к трактовке речевых явлений, во многом воспроизводит ограниченность ее теоретических концепций» [Леонтьев 2003: 256]. Отмечаемые подходы к анализу речевой деятельности носят устойчивый характер, хотя еще Л.С. Выготский поставил проблему необходимости анализа любого вида деятельности человека не по элементам, а по единицам [Выготский 1996].

Между тем в реальной речевой практике общение осуществляется не посредством отдельных высказываний, а путем обмена, порождения и восприятия целых текстов, поскольку тексты (или дискурсы) наиболее изоморфны континуальности, непрерывности человеческого бытия и общения как его важной составляющей, понимание текста и его воздействие, по утверждению А.А. Леонтьева, являются психологическими процессами [Леонтьев 2003]. Не случайно поэтому феномен речевой манипуляции рассматривается прежде всего как текстовое, а не словесное или пофразовое явление. Так, большинство анализируемых в учебном пособии Г.А. Копниной «Речевое манипулирование» риторических приемов манипулирования проявляется именно в пространстве текста, а не на уровне отдельных фраз (приемы, основанные на несоблюдении закона достаточного основания – проведение неправомерных аналогий, «предвосхищение вывода», создание комплексной эквивалентности и др.; приемы, основанные на несоблюдении закона тождества – подмена тезиса, его сужение или расширение; приемы, основанные на несоблюдении закона противоречия и др.) [Копнина 2012].

Важно учитывать, что отдельные речевые приемы, тактики

лишь включены в текст (дискурс) и оказывают специальное воздействие не изолированно, а в общем потоке информации и – шире – коммуникативной деятельности. В связи с вышесказанным целью данной статьи является анализ зависимости восприятия и понимания отдельных высказываний от контекста. В качестве материала исследования был привлечен фрагмент текста, попавшего в сферу конфликтного взаимодействия (реципиентам был предложен трансформированный вариант, в котором все имена собственные были изменены). Приводим его здесь в сокращенном виде:

В шаге от краха

«Опасным аспектом» деятельности Progressbank считается то, что ранее он приносил колоссальные убытки и считался «не очень-то надежным». К примеру, в 2012 году чистый убыток по РСБУ вырос сразу в пять раз до 676 млн руб., писали «Ведомости» по ссылке <https://www.vedomosti.ru>. После этого рекордного падения Progressbank, который контролируется Алексеем Левченко, не перестало «лихорадить».

По официальным данным, на 1 октября 2015 года нетто-активы банка составляют 61,62 млрд рублей (98-е место в России), капитал (рассчитанный в соответствии с требованиями ЦБ РФ) – 8,82 млрд, кредитный портфель – 19,60 млрд, обязательства перед населением – 25,75 млрд.

Эксперты опасаются оттока вкладчиков из Progressbank после критических высказываний руководства ЦБ и целой серии финансовых скандалов. Как правило, для «банков-пылесосов» отток вкладчиков означает скорый финансовый крах, так как они не смогут вернуть деньги по вкладам. Похоже, вскоре «долговой коллапс» постигнет и Progressbank.

Левченко обманывает вкладчиков?

Алексей Левченко для пополнения своей банковской империи делает ставку на постоянное приобретение новых банков. В последнее время стало известно о целом ряде новых покупок хозяина Progressbank. К примеру, как сообщают «banki.ru» по ссылке <http://www.banki.ru>, Progressbank является одним из претендентов на покупку подразделения BankInternational (BI) в Латвии. Об этом стало известно в конце ноября 2015 года.

А в декабре 2014 года портал «rbcdaily.ru» по ссылке <http://www.rbcdaily.ru> сообщил, что Progressbank приобрел 100% чешского Bank CZ – седьмого по величине банка в Чехии. Цена сделки могла превысить \$100 млн. После покупки Левченко LBBW Bank CZ, этот банк подвергся ребрендингу. Теперь носит название Progressbank CZ, сообщает финансовый портал «banks.eu» <http://banks.eu/news/info/>. Но откуда у Левченко в условиях кризиса нашлись деньги на покупку такого большого количества банков? В экспертных кругах сложилось мнение, что Левченко приобретает новые активы на деньги вкладчиков, чем он лишний раз доказывает версию о создании из Progressbank огромной «финансовой пирамиды». Как только приток «свежих» денег в банковскую империю Левченко прекратится, его основные финансовые структуры, а именно Progressbank, ожидает неизбежный крах.

Дискретный лингвистический анализ данного фрагмента показывает, что в нем отсутствуют высказывания в форме утверждения, содержащие негативную информацию о Progressbank'е. Следовательно, причин для подачи иска о защите чести, достоинства и деловой репутации по статье 152 ГК РФ здесь нет. Рассмотрим наиболее яркий фрагмент текста с этой точки зрения.

Эксперты опасаются оттока вкладчиков из Progressbank после критических высказываний руководства ЦБ и целой серии финансовых скандалов. Как правило, для «банков-пылесосов» отток вкладчиков означает скорый финансовый крах, так как они не смогут вернуть деньги по вкладам. Похоже, вскоре «долговой коллапс» постигнет и Progressbank.

Первое предложение построено таким образом, что его смысл легко воспринимается как «после критических высказываний руководства ЦБ по поводу Progressbank'a» «была целая серия финансовых скандалов, связанных с Progressbank'ом». Подобное понимание обусловлено тем, что слово *высказывание* представляет собой отглагольную номинализацию, отглагольное существительное, а фрагмент предложения *критических высказываний руководства ЦБ* является свернутой пропозицией. Особенностью отглагольных номинализаций в русском языке является то, что при их использовании допускается отсутствие объ-

екта действия, в отличие от предложения с комплетивно недостаточным глаголом *высказываться*, требующим при себе обязательное использование распространителя (*высказываться о чем-то*). Ср.:

Руководство ЦБ критически высказывалось о каком-либо банке/о Progressbank'е.

Руководство ЦБ позволяет себе критические высказывания.

**Руководство ЦБ критически высказывалось.*

По А.А. Нехаеву, номинализация – это такой процесс, «где модифицирующий член – имя собственное или знак – уклоняется от выполнения любой предикативной функции, беря на себя лишь функцию детерминации своего означаемого, которому тем самым не приписывается никакая экзистенциальная характеристика» [Нехаев 2009: 181]. Именно эта способность номинализации уклоняться от предикативной функции заставляет связать критические замечания ЦБ с Progressbank'ом, о котором также идет речь в рассматриваемом предложении.

В то же время такой смысл легко оспорить: высказывания руководства ЦБ были не по поводу Progressbank'а, а целая серия финансовых скандалов была связана не с этим банком, а с какими-то другими, что выводит данное предложение из группы утверждений о факте, порочащем его репутацию. В этом случае интерпретатор предложения *Эксперты опасаются оттока вкладчиков из Progressbank после критических высказываний руководства ЦБ и целой серии финансовых скандалов* «разворачивает» свернутую пропозицию номинализации.

Теперь перейдем к обсуждению связи первого, второго и третьего предложений в рассматриваемом абзаце. На первый взгляд, данный абзац тождественен сложному синтаксическому целому, поскольку является закрытой группой предложений [Папуша 2012: 190], объединенных лексической, синтаксической и интонационной связью, характеризуется большей смысловой законченностью по сравнению с предложением. Предложения в данном ССЦ формально объединены цепной связью, что эксплицируется последовательными вводными элемен-

тами как *правило*²² и *похоже*²³, призванными обозначать линейное развертывание мысли. Вследствие законов логики восприятия ССЦ, когда читатель готов к появлению либо цепной, либо параллельной связи предложений и к тому, что второе предложение всегда тесно связано с первым, характеристика «банка-пылесоса» из второго предложения естественным образом приписывается Progressbank'у. Третье предложение данного ССЦ воспринимается как логический вывод-резюме, следующий из первого и второго предложений.

Однако в реальности связь между первым и вторым предложением лишь гипотетическая, наведенная стереотипами восприятия: Progressbank здесь все-таки не назван «банком-пылесосом». Подобную тактику построения последовательности предложений М.А. Осадчий называет «разорванной предикацией» и относит к тактикам ухода от правовых рисков: «На уровне интенции тактика характеризуется намерением говорящего нивелировать прямую грамматическую связь между конфликтным признаком и носителем данного конфликтного признака» [Осадчий 2013: 187].

Специфической тактикой ухода от правовой ответственности является и использование подзаголовка «В шаге от краха», который до прочтения фрагмента текста, названного данным образом, воспринимается как утверждение, которое оказывает сильное воздействие на понимание текста читателем. Высокая степень воздействия обусловлена тем, что заглавие текста представляет собой особый элемент текста, который в сжатой форме выражает его содержательно-концептуальную информацию, заглавие – это «компрессированное, нераскрытое содержание текста» [Гальперин 1981: 133]. Однако после прочтения озаглавленного фрагмента утверждение разрушается, так как его содержание не соответствует названию, в чем и заключается манипулятивная стратегия автора.

На полученные результаты оказали определенное влияние,

²² **Как правило** – обычно (МАС).

²³ **Похоже**. В знач. сказ. Разг. Кажется, как будто (МАС).

как мы увидим ниже, две другие тактики снижения правового риска: тактика манифестации субъективности и тактика ссылки на непроверяемый источник. К первой относятся использование слов со значением предположительности, сомнения, неточности информации: *возможно, не исключено, похоже, как правило, слухи* и др. В этой же функции используются слова со значением плана будущего, формы будущего времени: *может, могут быть, будет*, а также глагольная лексика (*заподозрить*) и др. языковые средства. Ко второй – употребление слова «эксперты» в сочетании с разными словами (*считают, по оценкам, с остороженностью относятся, говорят, опасаются, полагают* и др.), однако ни разу не называется какой-либо конкретный человек. При этом сила воздействия слова «эксперт» на читателя очень высока: это знающий, компетентный специалист, к его мнению стоит прислушаться.

В психолингвистическом эксперименте приняли участие 100 человек (магистранты Новосибирского государственного педагогического университета, в возрасте от 22 до 45 лет), разделенных на две равные группы. После прочтения данного текста испытуемым было предложено ответить на ряд вопросов с применением технологии семантического шкалирования. Первая группа ответила на вопросы, где акцент делался на результат понимания самим читателем: *1. В какой степени Вы уверены в том, что вскоре «долговой коллапс» постигнет и Progressbank? 2. В какой степени Вы уверены, что Алексей Левченко обманывает вкладчиков? 3. Насколько достоверно то, что критические высказывания руководства ЦБ и целая серия финансовых скандалов связаны с Progressbank'ом? 4. В какой степени Вы уверены, что Progressbank является «банком-пылесосом»? 5. В какой степени Вы уверены в том, что вместо развития Progressbank'a Левченко все деньги тратит на скупку новых банков?* Вторая группа ответила на вопросы, где акцент был сделан на авторский замысел: *1. В какой степени автор уверен в том, что вскоре «долговой коллапс» постигнет и Progressbank? 2. В какой степени автор уверен в том, что Алексей Левченко обманывает вкладчиков? 3. Насколько ясно автор пишет о том, что критические высказывания руководства ЦБ и целая*

серии финансовых скандалов связаны с Progressbank'ом? 4. В какой степени автор уверен в том, что Progressbank является «банком-пылесосом»? 5. В какой степени автор уверен в том, что вместо развития Progressbank'a Левченко все деньги трагит на скупку новых банков? Степень проявления уверенности в полученной информации следовало обозначить на шкале от 0 до 10 с заданными параметрами: «ноль» – абсолютно не уверен в этом, «десять» – абсолютно уверен.

Представим результаты эксперимента в средних баллах.

	<i>Первая группа</i>	<i>Вторая группа</i>
<i>1-й вопрос</i>	5,62	7,42
<i>2-й вопрос</i>	6,10	8,02
<i>3-й вопрос</i>	5,02	6,38
<i>4-й вопрос</i>	5,66	7,68
<i>5-й вопрос</i>	6,12	8,44

Анализ результатов показал, что предложенный текст независимо от акцента на себе или на авторе вызвал резко негативное отношение к Progressbank'у и к Алексею Левченко. Однако видно, что формулировка вопроса при понимании текста играет существенную роль: если испытуемым предлагалась более ответственная роль, то степень их уверенности в полученной информации была ниже, чем у тех испытуемых, которым нужно было сосредоточиться на авторе и его понимании ситуации. Важным фактором данной разницы могла стать имеющаяся установка читателя: автор убежден в передаваемой информации, но как бы смягчает степень категоричности средствами языка, которые были приведены выше в описании тактики манифестации субъективности. В целом, такие результаты демонстрируют феномен высокой степени доверчивости к автору, к печатному слову.

Также явно прослеживается аналогичное пропорциональное соотношение степени уверенности в ответах на похожие вопросы в разных группах: на третий вопрос были получены самые низкие баллы, а в ответе на пятый – самые высокие. Приходим к выводу, что степень уверенности понижал не совсем ясно сфор-

мулированный вопрос, в котором были использованы метафоры или профессионализмы («долговой коллапс», «банк-пылесос») и на распознавание которых требовалось отдельное время и читательская энергия. Если вопросы были сформулированы проще, то баллы уверенности были более высокие (2-й и 4-й вопросы). Информация, упомянутая в 3-м вопросе, вызвала наибольшее затруднение в связи с двусмысленностью ее синтаксического представления, что существенно снизило степень уверенности в ней. Таким образом, результаты эксперимента подтверждают идею А.А. Леонтьева о том, что при понимании текста важную роль играет поставленная перед читателем перцептивная задача [Леонтьев 2003: 261].

Подведем итоги. Поэлементный анализ, то есть анализ отдельных слов и предложений текста, уводит исследователя в сторону от его реального восприятия читателем. Несмотря на большое количество знаков сомнения, неуверенности в анализируемом тексте, читатель формирует убеждение о негативных характеристиках объекта описания, а именно убеждение о его непорядочном и противоправном поведении. Эксперимент показал, что цель автора нанести репутационный вред была достигнута, хотя лингвистический анализ отдельных предложений не выявляет информации, представленной в виде утверждений о конкретных фактах, а не мнения или предположения. Сложившаяся практика лингвистического экспертирования, когда акцентируется внимание только на модальной рамке высказывания, формирует ложное представление о механизмах вербально-го воздействия.

ЛИТЕРАТУРА

Беликов В.И. Национальная идея и культура речи // Отечественные записки. № 2 (23). – М., 2005.

Белоусов К.И., Блазнова Н.А. Введение в экспериментальную лингвистику. – М., 2005.

Выготский Л.С. Мышление и речь. – М., 1996.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981.

Копнина Г.А. Речевое манипулирование. – 4-е изд. – М., 2012.

Леонтьев А.А. Восприятие текста как психологический процесс // Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической

психологии: Избр. психол. труды. – М.; Воронеж, 2003.

Нехаев А.В. Проблема номинализации в неклассических формах аргументации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 97.

Осадчий М.А. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. – М., 2013.

Папуша И.С. Потенциал сложного синтаксического целого в современной языковой ситуации // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2012. – № 2.

Стернин И.А., Антонова Л.Г., Карпов Д.Л., Шаманова М.В. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. – Ярославль, 2013.

©Лаппо М. А., 2016